

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 111**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 111 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 284 с.

ISBN 978-5-458-04759-3

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04759-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нравственная задача человечества.

I.

Въ рядѣ статей ¹⁾ мы убѣдились въ томъ, что міръ въ цѣломъ не можетъ считаться вполнѣ разумнымъ и благимъ. Неразуміе и зло составляютъ въ немъ самостоятельные элементы, враждебные разуму и добру. Такимъ образомъ, бытіе въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, является незаконченнымъ, не представляетъ собою гармоническаго цѣлага. Міръ, по выраженію Джемса, пластиченъ.

Но, если гармонія, законченность и чистая красота не даны въ мірѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, то *все это можетъ считаться міровымъ заданіемъ*. Не даромъ въ челоуѣка вложено стремленіе къ единству и гармоніи, выражающееся, какъ мы видѣли въ предыдущихъ статьяхъ, не только въ работѣ спекулятивнаго разума, неудержимо стремящагося къ единству всѣхъ своихъ сужденій, къ отсутствію противорѣчій между ними и къ сведенію ихъ въ окончательный всеобъемлющій синтезъ, но также и въ стремленіи къ единству, присущемъ разуму практическому. Не только міровоззрѣніе каждаго челоуѣка имѣетъ своимъ идеаломъ полную законченность и гармонію сужденій, но и весь его нравственный обликъ долженъ представлять собою сильную и цѣльную личность, которая привела себя въ гармоническое состояніе. Представляя себѣ міръ по аналогіи съ своей собственной природой, — а мы

¹⁾ См. „Вопросы философіи и психологіи“, 1911 г., кн. 108, 109, 110.
Вопросы философіи, кн. 111.

видѣли, что иного представленія о мірѣ, въ сущности, и не можетъ создать человѣкъ,—мы можемъ перенести всю эту картину на міръ. Какъ въ каждомъ человѣкѣ противоположности, находящіяся во враждѣ, должны быть замѣнены гармоніей, такъ и въ цѣломъ мірѣ борьба добра и зла имѣетъ своимъ заданіемъ установленіе міровой гармоніи.

Гармонія эта можетъ быть достигнута только однимъ путемъ: полнымъ устраненіемъ неразумія, безобразія и зла. Мы признали всякое зло самостоятельнымъ элементомъ міра. Но въ то же время наша плюралистическая концепція *позволяетъ намъ не считать его элементомъ неустрашимымъ*. Это самостоятельное начало, препятствующее міровому добру проявиться во всей его чистотѣ, красотѣ и безграничности, можетъ быть побѣждено, сведено къ нулю. Тогда въ мірѣ и водворится чистая гармонія и красота.

Если таково наше общее представленіе о мірѣ, то этимъ самымъ разрѣшается и вопросъ о нравственной задачѣ человѣка въ отдѣльности и всего человѣчества вмѣстѣ. Человѣкъ не представляетъ собою пассивнаго элемента бытія. Мы знаемъ, что человѣкъ по природѣ активенъ, такъ что даже высшее доступное ему счастье состоитъ въ наслажденіи процессомъ свободнаго раскрытія своихъ силъ и проявленія энергіи. Человѣкъ можетъ воздѣйствовать на самого себя въ духѣ тѣхъ идейныхъ концепцій, которыя въ своемъ творческомъ процессѣ вырабатываетъ его психика. Онъ можетъ воздѣйствовать и на окружающій міръ въ духѣ тѣхъ же идеаловъ. Такъ какъ человѣкъ составляетъ часть мірозданія, микрокосмъ, въ которомъ отражается и весь окружающій его макрокосмъ, то, надо думать, и культивируя въ себѣ самомъ начала истины, добра и красоты, человѣкъ совершаетъ не одно только личное свое дѣло. Борясь со зломъ въ самомъ себѣ и содѣйствуя добру въ самомъ себѣ, человѣкъ тѣмъ самымъ *принимаетъ дѣятельное участіе во всемъ міровомъ процессѣ*, въ той борьбѣ противоположностей, которая разыгрывается въ мірозданіи. Въ лицѣ самого себя онъ борется съ міровымъ зломъ и помогаетъ

мировому добру. Преодолывая въ самомъ себѣ двойственность, присущую человѣческой природѣ, онъ тѣмъ самымъ и всему міру помогаетъ преодолевать двойственность и идти къ гармоническому объединенію въ духѣ истины, добра и красоты.

Въ этомъ, думается мнѣ, и состоитъ назначеніе человѣка въ мірозлавіи. Человѣкъ есть одинъ изъ дѣятелей міровой борьбы противоположностей и притомъ, въ эмпирически извѣстномъ намъ мірѣ, дѣятель единственный. Весьма возможно, что въ мірѣ есть масса другихъ разумныхъ и, можетъ быть, болѣе разумныхъ существъ, чѣмъ человѣкъ. Кантъ, стараясь не вдаваться въ область метафизики, тѣмъ не менѣе съ полнѣйшей увѣренностью говорить постоянно о разумныхъ существахъ помимо человѣка. Но есть даже въ наше время мыслители, которые стараются доказать, что человѣкъ—единственное разумное существо въ конечномъ мірѣ. Таковъ, напримѣръ, взглядъ Уоллеса ¹⁾. Всѣ эти вопросы не имѣютъ большого значенія для нашихъ цѣлей. Какъ бы ни стояло дѣло, несомнѣнно, что въ человѣкѣ разыгрывается борьба добра и зла и что мы можемъ придавать ей весьма серьезное значеніе. Мы можемъ думать, что въ міровой экономіи не пропадаетъ ни одно усилие, которое каждый изъ насъ дѣлаетъ для того, чтобы побороть зло, что эти усилія здѣсь такъ или иначе суммируются и составляютъ то усиленіе фонда добра, которое необходимо для окончательнаго сокрушенія зла ²⁾.

Окончательный исходъ міровой борьбы отъ насъ скрытъ и намъ неизвѣстенъ. Но мы можемъ вѣрить, что человечество, рѣшительно ставъ на сторону добра, тѣмъ самымъ окажетъ содѣйствіе его побѣдѣ и поможетъ установленію міровой гармоніи. Каждый человѣкъ, напротивъ, который становится на сторону злыхъ и разрушительныхъ силъ, тѣмъ самымъ служитъ мировому злу. Ему же служить въ

¹⁾ См. Уоллесъ, „Мѣсто человѣка во вселенной“, (1908).

²⁾ Ср. Фихте, „Назначеніе человѣка“, книга III, III.

концѣ концовъ и тѣ люди, которые остаются равнодушны къ вопросу о призваніи. Въ нихъ такъ силенъ голосъ маленькаго эгоистическаго я, что въ рѣшительные моменты они, обыкновенно, не выдерживаютъ испытанія и своей пассивностью помогаютъ торжеству зла надъ добромъ. Они боятся всякаго риска для своего „милаго я“ и равнодушно проходятъ мимо всѣхъ безнравственныхъ и разрушительныхъ дѣяній, если только эти дѣянія не содержатъ въ себѣ посягательствъ на ихъ мелкіе личные интересы. Зло находитъ себѣ большую поддержку и ободреніе въ такомъ индивидуализмѣ слишкомъ многихъ людей къ задачамъ добра.

Съ указанной точки зрѣнія опредѣляется и историческая миссія всего человѣческаго рода. Люди, соединенные въ общество, по моему мнѣнію, не представляютъ собою простаго агрегата отдѣльныхъ и вполнѣ самостоятельныхъ единицъ. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ я старался доказать, что каждое человѣческое общество есть живое цѣлое, которое имѣетъ самостоятельную жизнь, не исчерпывающуюся жизнью отдѣльныхъ входящихъ въ него людей. Я думаю, что и все *человѣчество*, представляя собой процессъ взаимодействия отдѣльныхъ общественныхъ группъ, съ извѣстнымъ основаніемъ можетъ быть разсматриваемо, какъ единство. Правда, это единство человѣческаго рода до сихъ поръ выражено еще въ сравнительно слабой степени. Но нельзя отрицать того, что чѣмъ дальше движется исторія, тѣмъ явственнѣе оно выступаетъ. Пути сообщенія и вообще средства сношеній между людьми такъ совершенствуются, что, въ сущности, земной шаръ, прежде казавшійся людямъ необъятнымъ, становится все меньше и меньше. Скоро не останется ни одного его уголка, въ который не заглянулъ бы любопытный человѣческій глазъ, а страны, расположенныя на разныхъ концахъ свѣта, будутъ считать себя близкими сосѣдями. При такихъ условіяхъ будетъ открываться все больше и больше такихъ задачъ, въ которыхъ чело-
вѣ-

¹⁾ См. мою книгу „Нравственная личность и общество“, 147—188.

чество будетъ сознать свою общность и къ разрѣшенію которыхъ оно будетъ стремиться совмѣстными усиліями. Вѣдь и теперь уже имѣется одна область, въ которой разрушены границы всякихъ національностей. Это—область чистаго научнаго знанія, всемірная республика ученыхъ, не знающая никакого различія ни пола, ни расы, ни націи. То же самое ожидаетъ, вѣроятно, и область искусства, и область этики и религіи.

Человѣчество, все болѣе и болѣе объединяясь на этихъ вѣчныхъ задачахъ, въ совокупности можетъ служить добру или злу, какъ и отдѣльный человѣкъ. Оно можетъ совмѣстными усиліями создавать то, что недоступно силамъ отдѣльной личности. Если человѣчество рѣшительно станетъ на сторону добра, то оно тѣмъ самымъ поведетъ міръ къ гармоніи и спасенію отъ зла. Такой идеаль, конечно, предпочтительнѣе, чѣмъ то разрушеніе міра, которое проповѣдуетъ Гартманнъ, или та лишенная содержанія нирвана, въ которую совѣтуетъ намъ погрузиться Шопенгауэръ.

Выполняетъ ли, дѣйствительно, человѣчество эту миссію или нѣтъ? Едва ли разсмотрѣніе человѣческой исторіи даетъ основаніе для рѣшенія этого вопроса въ ту или иную сторону. Дѣло въ томъ, что въ исторіи мы не видимъ постояннаго и непрерывнаго движенія человѣчества въ какомъ-нибудь одномъ направленіи. Здѣсь бываютъ и періоды оживленной кипучей дѣятельности, и періоды застоя и даже какъ будто регресса. Нельзя сказать и того, чтобы развитіе человѣчества шло непрерывно. Бываютъ здѣсь перерывы, надолго нарушающіе преемственную связь культурнаго развитія. Наконецъ, далеко не все еще человѣчество приняло участіе въ культурной работѣ. Массы людей стоятъ въ сторонѣ отъ великаго культурнаго процесса и остается неизвѣстнымъ, выступаютъ ли эти народы на аренѣ всемірной исторіи и, если выступаютъ, то что они съ собою принесутъ.

Все это совершенно неудивительно съ нашей плюралистической точки зрѣнія. Если въ мірѣ идетъ постоянная

борьба противоположныхъ началъ, то та же борьба съ попереѣннымъ исходомъ совершается и въ исторіи человѣчества. Какъ неизвѣстенъ намъ исходъ міровой борьбы, такъ неизвѣстенъ намъ исходъ и человѣческой исторіи. Какія силы въ ней одолѣютъ, суждено ли человѣчеству погибнуть съ позоромъ или же его ожидаетъ слава, этого никто изъ насъ не знаетъ и многое зависитъ здѣсь отъ самого человѣчества и его отношенія къ голосу призванія.

Если въ какой области до сихъ поръ замѣчался несоѣнный *прогрессъ*, то только въ области чистой и прикладной науки. Несомнѣнно, знанія человѣчества о самомъ себѣ и обо всемъ мірѣ постоянно расширяются и углубляются. Если придавать знанію, которое ведетъ къ овладѣнію человѣкомъ міра, значеніе положительной, хотя и не окончательной и не высшей цѣнности, то, конечно, такое усиленіе знанія должно быть признано прогрессомъ. Я говорю, что само по себѣ знаніе не есть окончательная и высшая цѣнность, такъ какъ создаваемое имъ господство человѣка надъ остальнымъ міромъ можетъ быть обращено какъ на служеніе добру, такъ и на цѣли зла. Знаніе есть средство, конечно, чрезвычайно важное, но не цѣль сама по себѣ.

Съ этической точки зрѣнія прогрессъ знанія имѣетъ то значеніе, что онъ, во-первыхъ, вооружаетъ людей болѣе мощными средствами воздѣйствія какъ на самихъ себя, такъ и на весь міръ. Но само по себѣ такое воздѣйствіе, какъ только что указано, можетъ быть направлено какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Поэтому важно, во-вторыхъ, что прогрессъ знанія помогаетъ людямъ болѣе правильно ставить самую проблему добра и зла. Конечно, разрѣшить эту проблему силами знанія немислимо, такъ какъ нашему относительному интеллекту не дано проникновеніе въ основныя загадки бытія. Но во всякомъ случаѣ прогрессирующее знаніе даетъ возможность углубить самую постановку вопроса о добрѣ и злѣ, выяснить отчетливо тѣ элементы, изъ которыхъ слагается проблема. Это

само по себѣ имѣеть большое значеніе при самостоятельномъ дѣлаемомъ каждымъ человѣкомъ разрѣшеніи вопроса о призваніи. Умственная культура, въ-третьихъ, дѣлаеть людей болѣе чуткими и воспримчивыми. Она создаетъ свои утонченныя пороки, неизвѣстныя дикарямъ, но она создаетъ и свои добродѣтели ¹⁾, дѣлаеть самое отношеніе людей къ нравственному долгу сознательнѣе и тѣмъ укрѣпляетъ моральное настроеніе у людей, ставшихъ на сторону добра. Прогрессъ культуры дѣлаеть, въ-четвертыхъ, людей болѣе разнообразными по ихъ дарованіямъ и способностямъ. Это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ осложненія жизни и потребностей и вызываемаго этимъ раздѣленія труда въ обществѣ. Наличие въ обществѣ разнообразныхъ людей дѣлаеть общественную жизнь не только болѣе оживленной, но и болѣе плодотворной, такъ какъ каждый изъ этихъ людей привноситъ нѣчто свое въ общую сокровищницу труда. Объединяясь въ борьбѣ съ болѣе или менѣе общими для нихъ всѣхъ страданіями, эти разнообразные люди по мѣрѣ усиленія своего разнообразія все меньше конкурируютъ между собою въ борьбѣ за наслажденія, ибо то, что является наслажденіемъ для одного, не имѣеть иногда никакого интереса для другого ²⁾.

Я не могу съ увѣренностью сказать, существуетъ ли опредѣленно выраженный прогрессъ въ другихъ областяхъ человѣческой исторіи, кромѣ прогресса знанія. Въ частности, я безусловно не рѣшаюсь высказаться, стало ли человѣчество въ общемъ нравственнѣе или нѣтъ. Конечно, представленія о добрѣ и злѣ стали гораздо болѣе утонченными и правильными. Но увеличилась ли способность людей проводить въ жизнь эти представленія? Усилилась ли человѣческая воля, направленная на борьбу со зломъ? Конечно, культура создала новыя добродѣтели; но не уравновѣшивается ли это появленіемъ и новыхъ утонченныхъ

1) См. *Paulsen*, „System der Ethik“, I, 308.

2) *Kowalewski*, „Studien zur Psychologie des Pessimismus“, 119.

пороковъ? Все это весьма неясныя для меня вопросы. Далѣе, я не знаю, лучше ли живетъя челоѳъчеству и въ политическомъ отношеніи. Конечно, современныя формы государственнаго устройства и управленія гораздо тоньше и сложнѣе прежнихъ, въ соотѳвѳтствіи съ общимъ усложненіемъ жизни, но стали ли онѣ справедлиѳе, обезпечиваютъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ большую свободу нравственнаго развитія личности, чѣмъ это дѣлали прежнія формы, этого я также не берусь рѣшить. Во всякомъ случаѣ гнета, зла и несправедливости остается и теперь болѣе чѣмъ достаточно. Я не буду ставить вопроса о томъ, стало ли челоѳъчество счастливѣе, такъ какъ, по моему убѣжденію, счастье въ обыденномъ его пониманіи, въ смыслѣ спокойнаго и обезпеченнаго существованія, не только недостижимо, но и не желательно для людей. Оно портитъ людей и дѣлаетъ ихъ равнодушными къ вопросу о нравственномъ долгѣ.

Я упомяну еще объ одномъ значеніи, которое имѣетъ для людей если не непремѣнно прогрессъ, то во всякомъ случаѣ *измѣнчивость исторической обстановки*. Эта измѣнчивость состоитъ въ томъ, что жизнь то усложняется, то упрощается, мѣняются политическія формы общежитія, мѣняется характеръ профессій и техническія условія всякой нашей дѣятельности. Эти измѣненія сами по себѣ приводятъ къ тому, что для каждаго новаго поколѣнія и для каждой новой личности окружающая ее дѣйствительность является всегда въ новыхъ, прежде не бывалыхъ формахъ. Такимъ образомъ, хотя всѣмъ людямъ приходится разрѣшать все одну и ту же нравственную проблему, вопросъ о призваніи, объ отношеніи къ добру и злу, но эта проблема постоянно возникаетъ все въ новыхъ и новыхъ конкретныхъ условіяхъ, которыя заранѣе предвидѣны быть не могутъ. Поэтому нѣтъ у людей совершенно готовыхъ шаблоновъ для рѣшенія нравственныхъ задачъ. Хотя эти задачи по существу остаются однѣми и тѣми же, хотя по поводу ихъ разрѣшенія пишутся издавна цѣлыя томы, тѣмъ не менѣе готовыхъ образцовъ для нравственнаго поведенія не

существуетъ и никогда не будетъ существовать. Каждому приходится самостоятельно рѣшать вопросъ о своемъ личномъ призваніи, каждому приходится самостоятельно дѣйствовать въ безконечномъ разнообразіи текущей жизни, которая выдвигаетъ все новыя и новыя комбинаціи. Такимъ образомъ, измѣнчивость исторической обстановки ведетъ къ тому, что нравственная проблема, не мѣняясь въ своей основѣ, сохраняетъ постоянно свою свѣжесть и новизну для каждаго члена человѣческаго рода. Никто не избавленъ отъ нравственной свободы и автономіи и отъ той тяжелой отвѣтственности, которая съ ней связана.

Принимая во вниманіе положеніе человѣка, какъ части всего человѣчества, нѣкоторые мыслители считаютъ возможнымъ не придавать большаго значенія вопросу о *личномъ безсмертіи*. Допуская, что человѣкъ окончательно смертенъ и что никакого загробнаго существованія нѣтъ, они обращаютъ вниманіе на то, что крупная личность все равно найдетъ себѣ безсмертіе въ памяти всего человѣчества, прогрессу котораго она способствовала своими дѣлами. Это хорошо выражено въ двустишіи Шиллера ¹⁾:

Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ?
Въ цѣломъ живи: ты умрешь, цѣлое жъ все будетъ жить.

Но слѣдуетъ замѣтить, что въ такой постановкѣ вопросъ о личномъ безсмертіи все-таки не отпадаетъ. Для человѣка все-таки далеко не безразлично, будетъ ли существовать его личное сознаніе или же оно безслѣдно погибнетъ или растворится въ жизни безличнаго и всеобъемлющаго абсолюта. Какъ говоритъ Паскаль ²⁾, „безсмертіе души есть нѣчто такое, что имѣетъ для насъ огромную важность и такъ глубоко насъ трогаетъ, что нужно потерять всякое чувство, чтобы быть индифферентнымъ къ вопросу, какъ обстоитъ съ нимъ дѣло“. Выше было указано, что у мно-

1) Шиллеръ, „Безсмертіе“, пер. Э. Миллера.

2) Pascal, „Pensées“, (изд. 1818), стр. 35.

гихъ людей, посвятившихъ себя искреннему культивированію своего высшаго я въ духѣ дѣйственной любви, является совершенно опредѣленное и непоколебимое сознаніе своего личнаго безсмертія. Очевидно, этимъ путемъ и должны идти люди, придающіе большое значеніе этому вопросу; научное знаніе тутъ не поможетъ.

II.

Въ процессѣ общечеловѣческаго служенія добру, какъ мнѣ кажется, *оба пола играютъ самостоятельную роль*. Мужчины и женщины служатъ общему дѣлу, но каждый по своему; тѣ и другія другъ друга дополняютъ въ этомъ процессѣ.

Какъ мнѣ приходилось уже указывать въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, мужчина лучше женщины справляется съ чисто логическимъ анализомъ міра. Мужчина больше имѣетъ склонности къ абстрактному мышленію и больше находитъ въ немъ удовлетворенія. Вотъ почему чисто научное познаніе находится преимущественно въ мужскихъ рукахъ. Умъ женщины больше направленъ на конкретное, абстракціи ее мало интересуютъ и потому научная работа въ ея современномъ, по крайней мѣрѣ, видѣ слишкомъ для нея суха и мало возбуждаетъ ея интересъ.

Абстрактное мышленіе, конечно, является прекраснымъ средствомъ для овладѣнія окружающимъ міромъ и для господства надъ нимъ. Съ его помощью человѣкъ расчленяетъ безконечно разнообразную и безконечно сложную дѣйствительность на отдѣльные простѣйшіе элементы, знакомится съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности и такимъ образомъ по частямъ уясняетъ ту общую закономерность, которая наблюдается въ природѣ. Сводя безконечно сложный міръ къ отдѣльнымъ простымъ законамъ, человѣкъ, въ предѣлахъ дѣйствія этихъ законовъ, можетъ съ увѣрен-

¹⁾ См. мою брошюру: „Психологія женщинъ“ (1911 г.).